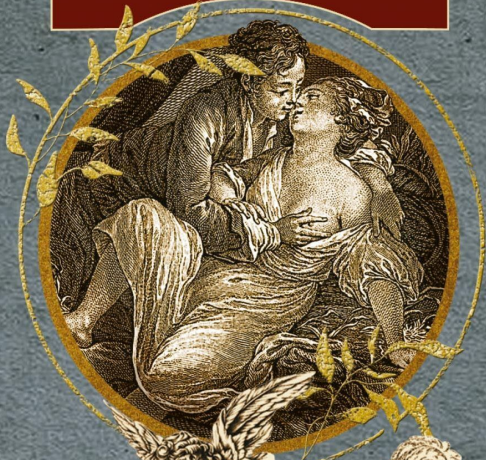

ПОЭЗИЯ *для* ВЗРОСЛЫХ

18+

ЧЕТЫРЕ ГЕНИЯ БЕЗ ЦЕНЗУРЫ

хулиганские стихи

ПУШКИНА • ЛЕРМОНТОВА • МАЯКОВСКОГО • ЕСЕНИНА

Людмила Михайловна Мартьянова Поэзия для взрослых. Четыре гения без цензуры. Хулиганские стихи Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Есенина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74506221

*Поэзия для взрослых. Четыре гения без цензуры. Хулиганские стихи
Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Есенина:
ISBN 978-5-9524-6493-3*

Аннотация

Обценная лексика считается недостойной публикации. Однако некоторые известные русские поэты не видели в ней ничего зазорного. Они использовали бранные слова как острую приправу, чтобы придать некоторым своим произведениям особый хулиганский оттенок. Великие мастера рифмы Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Владимир Маяковский и Сергей Есенин владели матерщиной так же умело и органично, как и всеми прочими средствами русского языка. Представляем вам откровенные стихи, поэмы и эпиграммы от четырёх гениев российской поэзии.

Содержание

Предисловие	5
Пушкин Александр Сергеевич	8
Гавриилиада	10
Монах	34
Песнь первая	34
Песнь вторая	40
Песнь третья	44
Тень Баркова	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Л.М. Мартьянова
Поэзия для взрослых
Четыре гения без цензуры
Хулиганские стихи
Пушкина, Лермонтова,
Маяковского, Есенина

Ругаться матом нехорошо...

Но называть вещи своими именами необходимо.

Фаина Раневская

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф»,
2026

© ЗАО «Центрполиграф», 2026

Предисловие

Самая достоверная гипотеза о происхождении русского мата связывает его с древними языческими обрядами славян. Вся наша нецензурная речь, причём, дословно и в привычных нам значениях, встречается ещё в новгородских берестяных грамотах XI–XII веков, а также в памятниках древней письменности у других славянских народов.

Вся матерная лексика имела когда-то сакральный смысл. Она возникла в связи с первобытной магией плодородия, в которой детородным органам придавалось культовое значение, а половой акт возводился в ранг священнодействия. В языческие времена наша «матершина» использовалась наподобие молитв, то есть – добрых заговоров на зачатие и рождение здорового потомства.

На Руси первые запреты на брань появились с принятием христианства. До того эти слова обозначали или физиологические особенности (или части) человеческого тела, или вообще были обыкновенными словами.

Поскольку христианство, утверждаясь на Руси, вело непримиримую борьбу со всеми проявлениями язычества, то и сакральные слова и выражения, относящиеся к половой жизни, получили в глазах церкви «греховное значение». Постепенно, под давлением церкви, матерная лексика начала приобретать характер «запретной», так как обозначала такие

предметы, о которых не подобает упоминать благочестивому христианину. Эти слова подлежали искоренению и стали изгоняться из дозволенной речи.

Так они постепенно переходили в разряд неупотребительных в хорошем обществе. Одновременно говорить с использованием матерных слов становилось признаком своего рода неуважения к духовной и светской власти. Так сакральная языческая терминология оказалась вывернута, можно сказать, наизнанку. Слова и выражения, в которых выражались самые благостные силы человеческой природы, превращались в низкопробные ругательства.

Но далеко не сразу все эти слова и выражения обрели, так сказать, нецензурный характер. Русская речь окончательно разделяется на «печатную» и «непечатную» только в XVIII веке, с распространением светской литературы в России. Тогда матерщина и стала окончательно «непечатной», «нецензурной». В церковной же литературе XVII века матерные слова и выражения, с негативным значением, присутствуют, и никто не думал их запрещать.

Использование в печатных изданиях непристойной лексики стало невозможным. Нецензурщина оставалась уделом «неофициальной» части творческого наследия поэтов и писателей: эпиграммы и сатирические стихотворения Пушкина, Лермонтова и других авторов, содержавшие срамные слова, ими самими не публиковались и вообще в России обнародованию не подлежали (эмигранты из России начали

публиковать их в Европе лишь во второй половине XIX века).

Присутствие мата в стихах не меняет роли Пушкина в истории русской литературы. Пушкин всегда считал себя народным поэтом. Поэтому вполне возможно, что в его произведениях мат использовался как полноценная часть языка, которая позволяет выразить всю силу русского слова.

Сам же Александр Сергеевич высказался по этому поводу так: «Если уж ты пришёл в кабак, то не прогневайся – какова компания, таков и разговор...».

Пушкин владеет матерщиной так же умело и органично, как и всеми прочими средствами русского языка.

Бранная лексика считается слишком простонародной и недостойной публикации. Однако некоторые известные русские поэты не видели в этом ничего зазорного.

Любой автор, не лишённый чувства юмора, писал стихи с нецензурными вставками.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837)

Александр Сергеевич Пушкин – русский поэт, драматург и прозаик, литературный критик и теоретик литературы, историк, публицист, журналист.

Пушкин частенько прибегал к матерным выражениям, чтобы придать поэзии или прозе большую выразительность, сделать текст более народным. По вине цензуры до нас не дошли народные сцены «Бориса Годунова», передающие атмосферу и настроение диалогов. Говорят, что и в «Евгении Онегине» встречались маленькие непристойности.

Когда Пушкина не стало, огромный сундук с черновыми записями и тетрадами перешёл к его другу и наставнику Василию Андреевичу Жуковскому. Будучи в хороших отношениях с государем, Жуковский взял на себя полную ответственность за наследие Александра Сергеевича.

По легенде государь приказал уничтожить неудобные и вольнодумные тексты. Но уничтожил ли Жуковский хотя бы одну строчку, написанную Пушкиным? Многие склоняются к тому, что он оставил всё. Самые вольнодумные тексты он припрятал до лучших времён и возможно некоторые рукописи Пушкина ещё предстоит найти историкам.

Гавриилиада

ПОЭМА

Воистину еврейки молодой
Мне дорого душевное спасенье.
Приди ко мне, прелестный ангел мой,
И мирное прими благословенье.
Спасти хочу земную красоту!
Любезных уст улыбкою довольный,
Царю небес и господу-Христу
Пою стихи на лире богомольной.
Смиранных струн, быть может, наконец
Её пленят церковные напевы,
И дух святой сойдёт на сердце девы;
Властитель он и мыслей и сердец.

Шестнадцать лет, невинное смирение,
Бровь тёмная, двух девственных холмов
Под полотном упругое движенье,
Нога любви, жемчужный ряд зубов...
Зачем же ты, еврейка, улыбнулась,
И по лицу румянец пробежал?
Нет, милая, ты право, обманулась:
Я не тебя, – Марию описал.

В глуши полей, вдали Ерусалима,
Вдали забав и юных волокит
(Которых бес для гибели хранит),
Красавица, никем ещё не зрима,
Без прихотей вела спокойный век.
Её супруг, почтенный человек,
Седой старик, плохой столяр и плотник,
В селенье был единственный работник.
И день и ночь, имея много дел
То с уровнем, то с верною пилою,
То с топором, не много он смотрел
На прелести, которыми владел,
И тайный цвет, которому судьбою
Назначена была иная честь,
На стебельке не смел ещё процвести.
Ленивый муж своею старой лейкой
В час утренний не орошал его;
Он как отец с невинной жил еврейкой,
Её кормил – и больше ничего.

Но, братие, с небес во время оно
Всевышний бог склонил приветный взор
На стройный стан, на девственное лоно
Рабы своей – и, чувствуя задор,
Он положил в премудрости глубокой
Благословить достойный вертоград,
Сей вертоград, забытый, одинокой,
Щедротою таинственных наград.

Уже поля немая ночь объе­млет;
В своём углу Мария сладко дремлет.
Все­выш­ний рек, — и де­ве снит­ся сон;
Пред нею вдруг от­крылся не­бо­склон
Во глу­бине сво­ей не­обоз­ри­мой;
В сиянии и сла­ве не­стер­пи­мой
Тьмы ан­ге­лов вол­нуют­ся, кипят,
Бес­чис­лен­ны ле­тают се­ра­фи­мы,
Стру­на­ми арф бря­цают хе­ру­ви­мы,
Ар­хан­ге­лы в без­мол­вии си­дят,
Гла­вы за­крыв ла­зу­рны­ми кры­ла­ми, —
И, яр­ки­ми оде­ян об­ла­ка­ми,
Пред­ве­чно­го сто­ит пред ни­ми трон.
И светел вдруг очам я­вил­ся он...
Все па­ли ниц... Умолк­нул ар­фы звон.
Ск­ло­нив гла­ву, ед­ва Ма­рия ды­шит,
Дро­жит как лист и го­лос бо­га слы­шит:
«Кра­са зем­ных любез­ных до­че­рей,
Ис­раи­ля на­де­жда мо­ло­дая!
Зову те­бя, люб­о­вию пы­лая,
При­час­тни­ца ты сла­вы будь мо­ей:
Го­товь се­бя к не­ве­до­мой судь­бине,
Же­них грядёт, грядёт к сво­ей ра­бы­не».
Вновь об­ла­ком одел­ся бо­жий трон;
Вос­стал ду­хов кры­ла­тый ле­ги­он,
И раз­да­лись не­бес­ной ар­фы зву­ки...
От­крыв уста, сло­жив умиль­но ру­ки,
Ли­цу не­бес Ма­рия пред­сто­ит.

Но что же так волнует и манит
Её к себе внимательные взоры?
Кто сей в толпе придворных молодых
С неё очей не сводит голубых?
Пернатый шлем, роскошные уборы,
Сиянье крил и локонов златых,
Высокий стан, взор томный и стыдливый—
Всё нравится Марии молчаливой.
Замечен он, один он сердцу мил!
Гордись, гордись, архангел Гавриил!
Пропало всё. — Не внемля детской пени,
На полотне так исчезают тени,
Рождённые в волшебном фонаре.

Красавица проснулась на заре
И нежилась на ложе томной лени.
Но дивный сон, но милый Гавриил
Из памяти её не выходил.
Царя небес пленить она хотела,
Его слова приятны были ей,
И перед ним она благоговела, —
Но Гавриил казался ей милей...
Так иногда супругу генерала
Затянутый прельщает адъютант.
Что делать нам? судьба так приказала, —
Согласны в том невежда и педант.

Поговорим о странностях любви
(Другого я не смыслю разговора).

В те дни, когда от огненного взора
Мы чувствуем волнение в крови,
Когда тоска обманчивых желаний
Объемлет нас и душу тяготит,
И всюду нас преследует, томит
Предмет один и думы и страданий, —
Не правда ли? в толпе молодых друзей
Наперсника мы ищем и находим.
С ним тайный глас мучительных страстей
Наречием восторгов переводим.
Когда же мы поймали на лету
Крылатый миг небесных упоений
И к радостям на ложе наслаждений
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И нечего нам более желать, —
Чтоб оживить о ней воспоминанье,
С наперсником мы любим поболтать.

И ты, господь! познал её волненье,
И ты пылал, о боже, как и мы.
Создателю постыло всё творенье,
Наскучило небесное моление, —
Он сочинял любовные псалмы
И громко пел: «Люблю, люблю Марию,
В унынии бессмертие влачу...
Где крылья? к Марии полечу
И на груди красавицы почию!...»
И прочее... всё, что придумать мог. —

Творец любил восточный, пёстрый слог.
Потом, призвав любимца Гавриила,
Свою любовь он прозой объяснял.
Беседы их нам церковь утаила,
Евангелист немного оплошал!
Но говорит армянское преданье,
Что царь небес, не пожалев похвал,
В Меркурии архангела избрал,
Заметя в нём и ум и дарованье —
И вечером к Марии подослал.
Архангелу другой хотелось чести:
Нередко он в посольствах был счастлив;
Переносить записочки да вести
Хоть выгодно, но он самолюбив.
И славы сын, намеренье сокрыв,
Стал нехотя услужливый угодник
Царю небес... а по земному сводник.

Но, старый враг, не дремлет сатана!
Услышал он, шатаясь в белом свете,
Что бог имел еврейку на примете,
Красавицу, которая должна
Спасти наш род от вечной муки ада.
Лукавому великая досада —
Хлопочет он. Всевышний между тем
На небесах сидел в уныньи сладком,
Весь мир забыл, не правил он ничем —
И без него всё шло своим порядком.

Что ж делает Мария? Где она,
Иосифа печальная супруга?
В своём саду, печальных дум полна,
Проводит час невинного досуга
И снова ждёт пленительного сна.
С её души не сходит образ милый,
К архангелу летит душой унылой.
В прохладе пальм, под говором ручья
Задумалась красавица моя;
Не мило ей цветов благоуханье,
Не весело прозрачных вод журчанье...
И видит вдруг: прекрасная змия,
Приманчивой блистая чешуёю,
В тени ветвей качается над нею
И говорит: «Любимица небес!
Не убегай, – я пленник твой послушный...»
Возможно ли? О, чудо из чудес!
Кто ж говорил Марии простодушной,
Кто ж это был? Увы, конечно, бес.
Краса змии, цветов разнообразь,
Её привет, огонь лукавых глаз
Понравились Марии в тот же час.
Чтоб усладить молодого сердца праздность,
На сатане покоя нежный взор,
С ним завела опасный разговор:

«Кто ты, змия? По льстивому напеву,
По красоте, по блеску, по глазам —
Я узнаю того, кто нашу Еву

Привлечь успел к таинственному древу
И там склонил несчастную к грехам.
Ты погубил неопытную деву,
А с нею весь адамов род и нас.
Мы в бездне бед невольно потонули.
Не стыдно ли?»
«Попы вас обманули,
И Еву я не погубил, а спас!»
«Спас! от кого?»
«От бога»
«Враг опасный!»
«Он был влюблён...»
«Послушай, берегись!»
«Он к ней пылал —»
«Молчи!»
«— любовью страстной,
Она была в опасности ужасной».
«Змия, ты лжёшь!»
«Ей богу!»
«Не божись».
«Но выслушай...»
Подумала Мария:
Не хорошо в саду, наедине,
Украдкою внимать наветам змия,
И кстати ли поверить сатане?
Но царь небес меня хранит и любит,
Всевышний благ: он верно не погубит
Своей рабы, — за что ж? за разговор!
К тому же он не даст меня в обиду,

Да и змия скромна довольно с виду.
Какой тут грех? где зло? пустое, вздор! —
Подумала и ухо приклонила,
Забыв на час любовь и Гавриила.
Лукавый бес, надменно развернув
Гремучий хвост, согнув дугою шею,
С ветвей скользит — и падает пред нею;
Желаний огонь во грудь её вдохнув,
Он говорит:
«С рассказом Моисея
Не соглашу рассказа моего:
Он вымыслом хотел пленить еврея,
Он важно лгал, — и слушали его.
Бог наградил в нём слог и ум покорный,
Стал Моисей известный господин,
Но я, поверь, — историк не придворный,
Не нужен мне пророка важный чин!
Они должны, красавицы другие,
Завидовать огню твоих очей;
Ты рождена, о скромная Мария,
Чтоб изумлять адамовых детей,
Чтоб властвовать над лёгкими сердцами,
Улыбкою блаженство им дарить,
Сводить с ума двумя-тремя словами,
По прихоти — любить и не любить...
Вот жребий твой. Как ты — молодая Ева
В своём саду скромна, умна, мила,
Но без любви в унынии цвела;
Всегда одни, глаз-на-глаз, муж и дева

На берегах Эдема светлых рек
В спокойствии вели невинный век.
Скучна была их дней однообразность.
Ни рощи сень, ни молодость, ни
праздность—
Ничто любви не воскрешало в них;
Рука с рукой гуляли, пили, ели,
Зевали днём, а ночью не имели
Ни страстных игр, ни радостей живых...
Что скажешь ты? Тиран несправедливый,
Еврейский бог, угрюмый и ревнивый,
Адамову подругу полюбя,
Её хранил для самого себя...
Какая честь и что за наслажденье!
На небесах как будто в заточенье,
У ног его молися да молись,
Хвали его, красе его дивись,
Взглянуть не смей украдкой на другого,
С архангелом тихонько молвить слово;
Вот жребий той, которую творец
Себе возьмёт в подруги наконец.
И что ж потом? За скуку, за мученье,
Награда вся дьячков осиплых пенье,
Свечи, старух докучная мольба,
Да чад кадил, да образ под алмазом,
Написанный каким-то богомазом...
Как весело! Завидная судьба!

Мне стало жаль моей прелестной Евы;

Решился я, создателю на зло,
Разрушить сон и юноши и девы.
Ты слышала, как всё произошло?
Два яблока, вися на ветке дивной
(Счастливым знак, любви символ
призывный),
Открыли ей неясную мечту.
Проснулись неясные желанья;
Она свою познала красоту,
И негу чувств, и сердца трепетанье,
И юного супруга наготу!
Я видел их! любви – моей науки —
Прекрасное начало видел я.
В глухой лесок ушла чета моя...
Там быстро их блуждали взгляды, руки...
Меж милых ног супруги молодой
Заботливый, неловкой и немой,
Адам искал восторгов упоенья,
Неистовым исполненный огнём,
Он вопрошал источник наслажденья
И, закипев душой, терялся в нём...
И не страшась божественного гнева,
Вся в пламени, власы раскинув, Ева,
Едва, едва устами шевеля,
Лобзанием Адаму отвечала,
В слезах любви, в бесчувствии лежала
Под сенью пальм, – и юная земля
Любовников цветами покрывала.

Блаженный день! Увенчанный супруг
Жену ласкал с утра до темной ночи,
Во тьме ночной смыкал он редко очи,
Как их тогда украшен был досуг!
Ты знаешь: бог, утечи прерывая,
Чету мою лишил навеки рая.
Он их изгнал из милой стороны,
Где без трудов они так долго жили
И дни свои невинно проводили
В объятиях ленивой тишины.
Но им открыл я тайну сладострастья
И младости весёлые права,
Томленье чувств, восторги, слезы счастья,
И поцелуй, и нежные слова.
Скажи теперь: ужели я предатель?
Ужель Адам несчастлив от меня?
Не думаю, но знаю только я,
Что с Евою остался я приятель».

Умолкнул бес. Мария в тишине
Коварному внимала сатане.
«Что ж? – думала, – быть может,
прав лукавый;
Слыхала я: ни почестями, ни славой,
Ни золотом блаженства не купить;
Слыхала я, что надобно любить...
Любить! Но как, зачем и что такое...»
А между тем внимание молодое
Ловило всё в рассказах сатаны:

И действия и странные причины,
И смелый слог и вольные картины...
(Охотники мы все до новизны.)
Час от часу неясное начало
Опасных дум казалось ей ясней,
И вдруг змии как будто не бывало —
И новое явление перед ней:
Мария зрит красавца молодого.
У ног её, не говоря ни слова,
К ней устремив чудесный блеск очей,
Чего-то он красноречиво просит,
Одной рукой цветочек ей подносит,
Другую мнёт простое полотно
И крадётся под ризы торопливо,
И лёгкий перст касается игриво
До милых тайн... Всё для Марии диво,
Всё кажется ей ново, мудрено, —
А между тем румянец не стыдливый
На девственных ланитах заиграл —
И томный жар и вздох нетерпеливый
Младую грудь Марии подымал.
Она молчит: но вдруг не стало мочи,
Закрылися блистательные очи,
К лукавому склонив на грудь главу,
Вскричала: ах!.. и пала на траву...

О милый друг! кому я посвятил
Мой первый сон надежды и желанья,
Красавица, которой был я мил,

Простишь ли мне мои воспоминанья?
Мои грехи, забавы юных дней,
Те вечера, когда в семье твоей,
При матери докучливой и строгой
Тебя томил я тайною тревогой
И просветил невинные красы?
Я научил послушливую руку
Обманывать печальную разлуку
И усладить безмолвные часы,
Бессонницы девическую муку.
Но молодость утрачена твоя,
От бледных уст улыбка отлетела,
Твоя краса во цвете помертвела...
Простишь ли мне, о милая моя!

Отец греха, Марии враг лукавый,
Ты стал и был пред нею виноват;
Ах, и тебе приятен был разврат...
И ты успел преступною забавой
Всевышнего супругу просветить
И дерзостью невинность изумить.
Гордись, гордись своей проклятой славой!
Спеши ловить... но близок, близок час!
Вот меркнет свет, заката луч угас.
Всё тихо. Вдруг над девой утомлённой
Шумя парит архангел окрилённый, —
Посол любви, блестящий сын небес.

От ужаса при виде Гавриила

Красавица лицо своё закрыла...
Пред ним восстав, смутился мрачный бес
И говорит: «Счастливец горделивый,
Кто звал тебя? Зачем оставил ты
Небесный двор, эфира высоты?
Зачем мешать утехе молчаливой,
Занятиям чувствительной четы?»
Но Гавриил, нахмуря взгляд ревнивый,
Рек на вопрос и дерзкий и шутливый:
«Безумный враг небесной красоты,
Повеса злой, изгнанник безнадёжный,
Ты соблазнил красу Марии нежной
И смеешь мне вопросы задавать!
Беги сейчас, бесстыдник, раб мятежный,
Иль я тебя заставлю трепетать!»

«Не трепетал от ваших я придворных,
Всевышнего прислужников покорных,
От сводников небесного царя!» —
Проклятый рек и, злобою горя,
Наморщив лоб, скосясь, кусая губы,
Архангела ударил прямо в зубы.
Раздался крик, шатнулся Гавриил
И левое колено преклонил;
Но вдруг восстал, исполнен новым жаром,
И сатану нечаянным ударом
Хватил в висок. Бес ахнул, побледнел —
И ворвались в объятия друг другу.
Ни Гавриил, ни бес не одолел:

Сплетённые кружась идут по лугу,
На вражью грудь опершись бородой,
Соединив крест на крест ноги, руки,
То силою, то хитростью науки
Хотят увлечь друг друга за собой.

Не правда ли? вы помните то поле,
Друзья мои, где в прежни дни, весной,
Оставя класс, играли мы на воле
И тешились отважною борьбой.
Усталые, забыв и брань и речи,
Так ангелы боролись меж собой.
Подземный царь, буян широкоплечий,
Вотще кряхтел с увёртливым врагом,
И, наконец, желая кончить разом,
С архангела пернатый сбил шелом,
Златой шелом, украшенный алмазом.
Схватив врага за мягкие волосы,
Он сзади гнёт могучею рукою
К сырой земле. Мария пред собою
Архангела зрит юные красы
И за него в безмолвии трепещет.
Уж ломит бес, уж ад в восторге плещет;
По счастью проворный Гавриил
Впился ему в то место роковое
(Излишнее почти во всяком бое),
В надменный член, которым бес грешил.
Лукавый пал, пощады запросил
И в тёмный ад едва нашёл дорогу.

На дивный бой, на страшную тревогу
Красавица глядела чуть дыша;
Когда же к ней, свой подвиг соверша,
Приветливо архангел обратился,
Огонь любви в лице её разлился
И нежностью исполнилась душа.
Ах, как была еврейка хороша!..
Посол краснел и чувства чужие
Так изъяснял в божественных словах:
«О радуйся, невинная Мария!
Любовь с тобой, прекрасна ты в женах;
Стократ блажен твой плод благословенный,
Спасёт он мир и ниспровергнет ад...
Но признаюсь душою откровенной,
Отец его блаженнее стократ!»
И перед ней коленопреклонённый
Он между тем ей нежно руку жал...
Потупя взор, прекрасная вздыхала,
И Гавриил её поцеловал.
Смутясь она краснела и молчала,
Её груди дерзнул коснуться он...
«Оставь меня!» – Мария прошептала,
И в тот же миг лобзаньем заглушен
Невинности последний крик и стон...

Что делать ей? Что скажет бог ревнивый?
Не сетуйте, красавицы мои,
О женщины, наперсницы любви,

Умеете вы хитростью счастливой
Обманывать вниманье жениха
И знатоков внимательные взоры,
И на следы приятного греха
Невинности набрасывать уборы...
От матери проказливая дочь
Берет урок стыдливости покорной
И мнимых мук, и с робостью притворной
Играет роль в решительную ночь;
И поутру, оправясь понемногу,
Встаёт бледна, чуть ходит, так томна.
В восторге муж, мать шепчет: слава богу,
А старый друг стучится у окна.

Уж Гавриил с известием приятным
По небесам летит путём обратным.
Наперсника нетерпеливый бог
Приветствием встречает благодатным:
«Что нового?» – «Я сделал всё, что мог,
Я ей открыл». – «Ну что ж она?» —
«Готова!»

И царь небес, не говоря ни слова,
С престола встал и манием бровей
Всех удалил, как древний бог Гомера,
Когда смирял бесчисленных детей;
Но Греции навек погасла вера,
Зевеса нет, мы сделались умней!

Упоена живым воспоминаньем,

В своём углу Мария в тишине
Покоилась на смятой простыне.
Душа горит и негой и желаньем,
Младую грудь волнует новый жар.
Она зовёт тихонько Гавриила,
Его любви готова тайный дар,
Ночной покров ногою отдалила,
Довольный взор с улыбкою склонила,
И, счастлива в прелестной нагоде,
Сама своей дивится красоте.
Но между тем в задумчивости нежной
Она грешит, – прелестна и томна,
И чашу пьёт отрады безмятежной.
Смеёшься ты, лукавый сатана!
И что же! вдруг мохнатый, белокрылый
В её окно влетает голубь милый,
Над нею он порхает и кружит
И пробует весёлые напевы,
И вдруг летит в колени милой девы,
Над розою садится и дрожит,
Клюёт её, копышется, вертится,
И носиком и ножками трудится.
Он, точно он! – Мария поняла,
Что в голубе другого угощала;
Колени сжав, еврейка закричала,
Вздыхать, дрожать, молиться начала,
Заплакала, но голубь торжествует,
В жару любви трепещет и воркует,
И падает, объятый лёгким сном,

Приосеня цветок любви крылом.

Он улетел. Усталая Мария
Подумала: «Вот шалости какие!
Один, два, три! – как это им не лень?
Могу сказать, перенесла тревогу:
Досталась я в один и тот же день
Лукавому, архангелу и богу».

Всевышний бог, как водится, потом
Признал своим еврейской девы сына,
Но Гавриил (завидная судьбина!)
Не преставал являться ей тайком;
Как многие, Иосиф был утешен,
Он пред женой попрежнему безгрешен,
Христа любил как сына своего,
За то господь и наградил его!

Аминь, аминь! Чем кончу я рассказы?
Навек забыв старинные проказы,
Я пел тебя, крылатый Гавриил,
Смиранных струн тебе я посвятил
Усердное, спасительное пенье:
Храни меня, внемли моё моление!
Досель я был еретиком в любви,
Младых богинь безумный обожатель,
Друг демона, повеса и предатель...
Раскаянье моё благослови!
Приемлю я намеренья благие,

Переменюсь: Елену видел я;
Она мила как нежная Мария!
Подвластна ей навек душа моя.
Моим речам придай очарованье,
Понравиться поведай тайну мне,
В её душе зажги любви желанье,
Не то пойду молиться сатане!
Но дни бегут, и время сединою
Мою главу тишком посеребрит,
И важный брак с любезною женою
Пред алтарём меня соединит.
Иосифа прекрасный утешитель!
Молю тебя, колена преклоня,
О рогачей заступник и хранитель,
Молю – тогда благослови меня,
Даруй ты мне беспечность и смирение,
Даруй ты мне терпенье вновь и вновь
Спокойный сон, в супруге уверенье,
В семействе мир и к ближнему любовь!

1821

Примечания

*Поэму «Гавриилиада» (ошибочное наименование – «Гаври-
лиада») он предположительно написал в возрасте 22 лет,
когда находился в Кишинёве, Молдавия. Сюжет произведе-
ния посвящён евангельскому эпизоду «Благовещение Пресвя-*

той Богородицы». Согласно евангелисту Луке – единственному, у кого описано Благовещение, к Деве Марии явился архангел Гавриил. Он и принёс будущей Богородице радостную весть о том, что скоро она произведёт на свет Сына Божия.

Пушкин в поэме «Гавриилиада» обыграл этот евангельский сюжет несколько... посвоему.

По условиям цензуры некоторое время произведение было известно только в узком кругу друзей Пушкина, но начиная с лета 1822 года стало расходиться в списках.

Вечером в парке. Неизвестный художник. XIX в.

Монах

Песнь первая

Святой монах, грехопадение, юбка

Хочу воспеть, как дух нечистый ада
Осёдлан был брадатый стариком;
Как овладел он черным клобуком,
Как он втокнул Монаха грешных в стадо.
Певец любви, фернейский старичок,
К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь.
Куда, скажи, девался твой смычок,
Которым я в Жан д'Арке восхищаюсь,
Где кисть твоя, скажи, ужели ввек
Их ни один не найдёт человек?
Вольтер! Султан французского Парнаса,
Я не хочу седлать коня Пегаса,
Я не хочу из муз наделать дам,
Но дай лишь мне твою златую лиру,
Я буду с ней всему известен миру.
Ты хмуришься и говоришь: не дам.
А ты поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном,
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?

С усмешкою даёшь ты мне скрипицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу:
«Последуй лишь примеру моему».
Нет, нет, Барков! скрипицы не возьму,
Я стану петь, что в голову придётся,
Пусть как-нибудь стих за стихом польётся.
Невдалеке от тех прекрасных мест,
Где дерзостный восстал Иван-великой,
На голове златой носящий крест,
В глуши лесов, в пустыне мрачной, дикой,
Был монастырь; в глухих его стенах
Под старость лет один седой Монах
Святым житьём, молитвами спасался
И дней к концу спокойно приближался.
Наш труженик не слишком был богат,
За пышность он не мог попасться в ад.
Имел кота, имел псалтирь и чётки,
Клобук, стихарь да штоф зелёной водки.
Взошедши в дом, где мирно жил Монах,
Не золота увидели б вы горы,
Не мрамор там прельстил бы ваши взоры,
Там не висел Рафаель на стенах.
Увидели б вы стул об трёх ногах,
Да в уголку скамейка в пол-аршина,
На коей спал и завтракал Монах.
Там пуховик над лавкой не вздувался.
Хотя монах, он в пухе не валялся
Меж двух простынь на мягких тюфяках.
Весь круглый год святой отец постился,

Весь божий день он в келье провождал,
«Помилуй мя» в полголоса читал,
Ел плотно, спал и всякий час молился.
А ты, Монах, мятежный езуит!
Красней теперь, коль ты краснеть умеешь,
Коль совести хоть капельку имеешь;
Красней и ты, богатый Кармелит,
И ты стыдись, Печерской Лавры житель,
Сердец и душ смиренный повелитель...
Но, лира! стой! – Далеко занесло
Уже меня противу рясок рвенье;
Бесить попов не наше ремесло.
Панкратий жил счастлив в уединенье,
Надеялся увидеть вскоре рай,
Но ни один земли безвестный край
Защитить нас от дьявола не может.
И в тех местах, где чёрный сатана
Под стражею от злости когти гложет,
Узнали вдруг, что разгорожена
К монастырям свободная дорога.
И вдруг толпой все черти поднялись,
По воздуху на крыльях понеслись —
Иной в Париж к плешивым картезианцам.
С копейками, с червонцами полез,
Тот в Ватикан к брюхатым итальянцам
Бургонского и макарони нёс;
Тот девкою с прелатом повалился,
Тот молодцом к монашенкам пустился.
И слышал я, что будто старый поп,

Одной ногой уже вступивший в гроб,
Двух молодых венчал перед налоем.
Чёрт прибежал амуров с целым роем,
И вдруг дьячок на крылосе всхрапел,
Поп замолчал – на девицу глядел,
А девица на дьякона глядела.
У жениха кровь сильно закипела,
А бес всех их к себе же в ад повёл.
Уж темна ночь на небеса всходила,
Уж в городах утих вседневный шум,
Луна в окно Монаха осветила.
В молитвенник весь устремивший ум,
Панкратий наш Николы пред иконой
Со вздохами земные клал поклоны.
Пришёл Молок (так дьявола зовут),
Панкратия под чёрной ряской скрылся.
Святой Монах молился уж, молился,
Вздыхал, вздыхал, а дьявол тут как тут.
Бьёт час, Молок не хочет отцепиться,
Бьёт два, бьёт три – нечистый всё сидит.
«Уж будешь мой», – он сам с собой ворчит.
А наш старик уж перестал креститься,
На лавку сел, потёр глаза, зевнул,
С молитвою три раза протянулся,
Зевнул опять, и... чуть-чуть не заснул.
Однако ж нет! Панкратий вдруг проснулся,
И снова бес Монаха соблазнять,
Чтоб усыпить, Боброва стал читать.
Монах скучал, Монах тому дивился.

Век не зевал, как богу он молился.
Но – нет уж сил; кресты, псалтирь, слова, —
Всё позабыл; седая голова,
Как яблоко, по груди покатилась,
Со лбу рука в колени опустилась,
Молитвенник упал из рук под стол,
Святой вздремал, всхрапел, как старый вол.
Несчастный! спи... Панкратий вдруг
проснулся,

Взад и вперёд со страхом оглянулся,
Перекрестясь с постели он встаёт,
Глядит вокруг – светильня нагорела;
Чуть слабый свет вокруг себя лиёт;
Что-то в углу как будто забелело.
Монах идёт – что ж? юбку видит он.
«Что вижу я!.. иль это только сон? —
Вскричал Монах, остолбенев, бледнея. —
Как! это что?..» – и, продолжать не смея,
Как вкопанный, пред белой юбкой стал,
Молчал, краснел, смущался, трепетал.
Огню любви единственна преграда,
Любовника сладчайшая награда
И прелестей единственный покров,
О юбка! речь к тебе я обращаю,
Строки сии тебе я посвящаю,
Одушеви перо моё, любовь!
Люблю тебя, о юбка дорогая,
Когда, меня под вечер ожидая,
Наталья, сняв парчовый сарафан,

Тобою лишь окружит тонкий стан.
Что может быть тогда тебя милее?
И ты, виясь вокруг прекрасных ног,
Струи ручьёв прозрачнее, светлее,
Касаешься тех мест, где юный бог
Покоится меж розой и лилеей.
Иль, как Филон, за Хлоей побежав,
Прижать её в объятия стремится,
Зелёный куст тебя вдруг удержав...
Она должна, стыдясь, остановиться.
Но поздно всё, Филон, её догнав,
С ней на траву душистую валится,
И пламенна, дрожащая рука
Счастливого любовью пастуха
Тебя за край тихонько поднимает...
Она ему взор томный ослабляет,
И он... но нет; не смею продолжать.
Я трепещу, и сердце сильно бьётся,
И, может быть, читатели, как знать?
И ваша кровь с стремленьем страсти
льётся.

Но наш Монах о юбке рассуждал
Не так, как я (я молод, не пострижен
И счастьем нимало не обижен).
Он не был рад, что юбку увидал,
И в тот же час смекнул и догадался,
Что в когти он нечистого попался.

Песнь вторая

Горькие размышления, сон, спасительная мысль

Покаместь ночь ещё не удалилась,
Покаместь свет лила ещё луна,
То юбка всё ещё была видна.
Как скоро ж твердь зарею осветилась,
От взоров вдруг сокрылася она.
А наш Монах, увы, лишён покоя.
Уж он не спит, не гладит он кота,
Не помнит он церковного наложия,
Со всех сторон Панкратию беда.
«Как, – мыслит он, – когда и собачонки
В монастыре и духа нет моем,
Когда здесь ввек не видывал юбочки,
Кто мог её принести ко мне же в дом?
Уж мнится мне... прости, владыко, в том!
Уж нет ли здесь... страшусь сказать...
девчонки».

Монах краснел и, делать что, не знал.
Во всех углах, под лавками искал.
Всё тщетно, нет, ни с чем старик остался,
Зато весь день, как бледна тень, таскался,
Не ел, не пил, покойно и не спал.
Проходит день, и вечер, наступая,

Зажёг везде лампы и свечи.
Уже Монах, с главы клобук снимая,
Ложился спать. Но только что лучи
Луна с небес в окно его пустила
И юбку вдруг на лавке осветила,
Зажмурился встревоженный Монах
И, чтоб не впасть кой-как во искушение,
Хотел уже навек лишиться зренья,
Лишь только бы на юбку не смотреть.
Старик, кряхтя, на бок перевернулся
И в простыню тепленько завернулся,
Сомкнул глаза, заснул и стал храпеть.
Тот час Молок вдруг в муху превратился
И полетел жужжать вокруг него.
Летал, летал, по комнате кружился
И на нос сел монаха моего.
Панкратья вновь он соблазнять пустился.
Монах храпит и чудный видит сон.
Казалось ему, что средь долины,
Между цветов, стоит под миртом он,
Вокруг него сатиров, фавнов сонм.
Иной, смеясь, льёт в кубок пенны вины;
Зелёный плющ на черных волосах,
И виноград, на голове висящий,
И лёгкий фирз, у ног его лежащий, —
Всё говорит, что вечно юный Вахх,
Веселья бог, сатира покровитель.
Другой, надув пастушечью свирель,
Поёт любовь, и сердца повелитель

Одушевлял его весёлу трель.
Под липами там пляшут хороводом
Толпы детей, и юношей, и дев.
А далее, ветвей под темным сводом,
В густой тени развесистых деревьев,
На ложе роз, любовью распалённые,
Чуть-чуть дыша, весельем истощённые,
Средь радостей и сладостных прохлад,
Обнявшись любовники лежат.
Монах на всё взирал смятенным оком.
То на стакан он взоры обращал,
То на девиц глядел чернец со вздохом,
Плешивый лоб с досадою чесал —
Стоя, как пень, и рот в сажень разинув.
И вдруг, в душе почувствовав кураж
И набекрень, взярясь, клубок надвинув,
В зелёный лес, как белоусый паж,
Как лёгкий конь, за девкою погнался.
Быстрее орла, быстрее звука лир
Прелестница летела, как зефир.
Но наш Монах Эол пред ней казался,
Без отдыха за новой Дафной гнался.
«Не дам, — ворчал, — я промаха в кольцо».
Но леший вдруг, мелькнув из-за кусточка,
Панкратья хватать юбочкою в лицо.
И вдруг исчез приятный вид лесочка.
Ручья, холмов и нимф не видит он;
Уж фавнов нет, вспорхнул и Купидон,
И нет следа красоточки прелестной.

Монах один в степи глухой, безвестной,
Нахмуря взор; темнеет небосклон,
Вдруг грянул гром, Монаха поражает —
Панкратий: «Ах!...», — и вдруг проснулся он.
Смущенный взор он всюду обращает:
На небесах, как яхонты горя,
Уже восток румянила заря.
И юбки нет. Панкратий встал, умылся
И, помолясь, он плакать сильно стал,
Сел под окно и горько горевал.
«Ах! — думал он, — почто ты прогневился?
Чем виноват, владыко, пред тобой?
Как грешником, вертит нечистый мной.
Хочу не спать, хочу тебе молиться,
Возьму псалтирь, а тут и юбка вдруг.
Хочу вздремать и ночью сном забыться,
Что ж снится мне? смущается мой дух.
Услышь моё усердное моление,
Не дай мне впасть, господь, во искушение!»
Услышал бог молитвы старика,
И ум его в минуту просветился.
Из бедного седого простяка
Панкратий вдруг в Невтоны претворился.
Обдумывал, смотрел, сличал, смекнул
И в радости свой опрокинул стул.
И, как мудрец, кем Сиракуз спасался,
По улице бежавший бос и гол,
Открытием своим он восхищался
И громко всем кричал: «Нашёл! нашёл!»

«Ну! – думал он, – от бесов и юбчонки
Избавлюсь я – и милые девчонки
Уже меня во сне не соблазнят.
Я заживу опять монах-монахом,
Я стану ждать последний час со страхом
И с верою, и всё пойдёт на лад».
Так мыслил он – и очень ошибался.
Могущий рок, вселенной господин,
Панкратиём, как куклой, забавлялся.
Монах водой наполнил свой кувшин,
Забормотал над ним слова молитвы
И был готов на грозны ада битвы.
Ждёт юбки он – с своей же стороны
Нечистый дух весь день был на работе
И весь в жару, в грязи, в пыли и поте
Предупредить спешил восход луны.

Песнь третья

Пойманный бес

Ах, отчего мне дивная природа
Корреджио искусства не дала?
Тогда б в число парнасского народа
Лихая страсть меня не занесла.
Чернилами я не марал бы пальцы,
Не засорял бумагою чердак,

И за бюро, как девица за пяльцы,
Стихи писать не сел бы я никак.
Я кисти б взял бестрепетной рукою,
И, выпив вмиг шампанского стакан,
Трудиться б стал я с жаркой головою,
Как Цициан иль пламенный Албан.
Представил бы все прелести Натальи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венки душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,
Стан обхватил Киприды б пояс злат.
И кистью б был счастливей я сто крат!
Иль краски б взял Вернета иль Пуссина;
Волной реки струилась бы холстина;
На небосклон палящих, южных стран
Возведши ночь с задумчивой луною,
Представил бы над серою скалою,
Вкруг коей бьёт шумящий океан,
Высокие, покрыты мохом стены;
И там в волнах, где дышит ветерок,
На серебре, вкруг скал блестящей пены,
Зефирами колеблемый челнок.
Нарисовал бы в нём я Кантемиру,
Её красы... и рад бы бросить лиру,
От чистых муз навеки удалясь.
Но Рубенсом на свет я не родился,
Не рисовать, я рифмы плести пустился.
Мартынов пусть пленяет кистью нас,
А я – я вновь взмогнулся на Парнас.

Исполнившись иройскою отвагой,
Опять беру чернильницу с бумагой
И стану вновь я песни продолжать.
Что делает теперь седой Панкратий?
Что делает и враг его косматый?
Уж перестал Феб землю освещать;
Со всех сторон уж тени налетают;
Туман сокрыл вид рощиц и лесов;
Уж кое-где и звёздочки блистают...
Уж и луна мелькнула сквозь лесов...
Ни жив, ни мёртв сидит под образами
Чернец, молясь обеими руками.
И вдруг, бела, как вновь напавший снег
Москвы-реки на каменистый берег,
Как легка тень, в глазах явилась юбка...
Монах встаёт, как пламень покраснев,
Как модинки прелестной ала губка,
Схватил кувшин, весь гневом возгорев,
И всей водой он юбку обливает.
О чудо!.. вмиг сей призрак исчезает —
И вот пред ним с рогами и с хвостом,
Как серый волк, щетиной весь покрытый,
Как добрый конь с подкованным копытом,
Предстал Молок, дрожащий под столом,
С главы до ног облитый весь водою,
Закрыв себя подолом епанчи,
Вращал глаза, как фонари в ночи.
«Ура! — вскричал монах с усмешкой злою, —
Поймал тебя, подземный чародей.

Ты мой теперь, не вырвешься, злодей.
Все шалости заплатишь головою.
Иди в бутылъ, закупорю тебя,
Сейчас её в колодезь брошу я.
Ага, Мамон! дрожишь передо мною».
— «Ты победил, почтенный старичок, —
Так отвечал смирёхонько Молок. —
Ты победил, но будь великодушен,
В гнилой воде меня не потопи.
Я буду ввек за то тебе послушен,
Спокойно ешь, спокойно ночью спи,
Уж соблазнять тебя никак не стану».
«Всё так, всё так, да полезай в бутылъ,
Уж от тебя, мой друг, я не отстану,
Ведь плутни все твои я не забыл».
— «Прости меня, доволен будешь мною,
Богатства все польют к тебе рекою,
Как Банкова, я в знать тебя пущу,
Достану дом, куплю тебе кареты,
Придут к тебе в переднюю поэты;
Всех кланяться заставлю богачу,
Сниму клобук, по моде причешу.
Всё променяв на длинный фрак с штанами,
Поскачешь ты гордиться жеребцами,
Народ, смеясь, колёсами давить
И аглинской каретой всех дивить.
Поедешь ты потеть у Шиловского,
За ужином дремать у Горчакова,
К Нарышкиной подправлять жилет.

Потом всю знать (с министрами, с князьями
Ведь будешь жить, как с кровными
друзьями)

Ты позовёшь на пышный свой обед».

– «Не соблазнишь! тебя я не оставляю,
Без дальних слов сейчас в бутыль иди».

– «Постой, постой, голубчик, погоди!
Я жён тебе и красных дев доставлю».

– «Проклятый бес! как? и в моих руках
Осмелился ты думать о жёнах!

Смотри какой! но нет, работник ада,
Ты не прельстишь Панкратья суетой.

За всё, про всё готова уж награда,
Раскаешься, служитель беса злой!»

– «Минуту дай с тобою изъясниться,
Оставь меня, не будь врагом моим.

Поступок сей наверно наградится,
А я тебя свезу в Иерусалим».

При сих словах Монах себя не вспомнил.
«В Иерусалим!» – дивясь он бесу молвил.

«В Иерусалим! – да, да, свезу тебя».

– Ну, если так, тебя избавлю я.

Старик, старик, не слушай ты Молока,
Оставь его, оставь Иерусалим.

Лишь ищет бес поддеть святого с бока,
Не связывай ты тесной дружбы с ним.

Но ты меня не слушаешь, Панкратий,
Берёшь седло, берёшь чепрак, узду.

Уж под тобой, бодрится черт проклятый,

Готовится на адскую езду.
Лети, старик, сев на плеча Молока,
Толкай его и в зад и под бока,
Лети, спеши в священный град востока,
Но помни то, что не на лошака
Ты возложил свои почтенны ноги.
Держись, держись всегда прямой дороги,
Ведь в мрачный ад дорога широка.

1821

Примечания

В основе поэмы лежит переосмысление легенды о святом Иоанне Новгородском: он сумел одолеть чёрта, пытавшегося его соблазнить, и верхом на нём доехал до Иерусалима, чтобы поклониться гробу Господню. В произведении проявляются атеистические настроения Пушкина в юном возрасте.

Завтрак на траве. Неизвестный художник. XIX в.

Тень Баркова

I

Однажды зимним вечерком
В бордели на Мещанской
Сошлись с расстригою попом
Поэт, корнет уланской,
Московский модный молодец,
Подьячий из Сената,
Да третьей гильдии купец,
Да пьяных два солдата.
Всяк пуншу осушил бокал,
Лёг с бл * дью молодою
И на постели откачал
Горячею елдою.

II

Кто всех зазорнее еб * т?
Чей х * й средь битвы рьяной

П*зду курчавую дерёт,
Горя, как столб румяный?
О землемер и п*зд, и жоп,
Блядун трудолюбивый!
Хвала тебе, расстрига-поп,
Приапа жрец ретивый!
В четвёртый раз ты плешь впустил
И снова щель раздвинул,
В четвёртый принял, вколотил...
И х*й повисший вынул!

III

Повис! Вотще своей рукой
Елду Малашка дробит,
И плешь сжимает пятерней,
И волосы клокочит
Вотще под бешеным попом
Лежит она, тоскует,
И ездит по брюху верхом,
И в ус его целует...
Вотще! Елдак лишился сил,
Как воин в тяжкой брани,
Он пал, голову свою склонил
И плачет в нежны длани.

IV

Так иногда поэт Хвостов,
Обиженный природой,
Во тьме полуночных часов
Корпит над хладной одой.
Пред ним несчастное дитя:
И вкривь, и вкось, и прямо
Он слово звучное, кряхтя,
Ломает в стих упрямо.
Так блядь трудилась над попом,
Но не было успеха:
Не становился плут дыбом,
Как будто бы для смеха.

V

Зарделись щёки, бледный лоб
Стыдом воспламенился,
Готов вскочить расстрига-поп
И вдруг остановился.
Он видит: в ветхом сертуке,
С спущенными штанами,
С хуиной длинною в руке,

С отвисшими мудами
Явилась тень, идёт к нему
Дрожащими стопами,
Сияя сквозь ночную тьму
Огнистыми очами.

VI

«Что сделалось с детиной тут?» —
Спросило привиденье.
«Лишился пылкости я муд,
Елдак в изнеможение,
Предатель хилый изменил,
Не хочет уж яриться», —
«Почто ж, еб* на мать, забыл
Ты мне в беде молиться?»
«Но кто ты?» — молвил Ебаков,
Вздвогнув от удивленья.
«Твой друг, твой гений я, Барков»,
Вещало привиденье.

VII

И страхом поражённый поп
Не смог сказать ни слова.
Свалился на пол, будто сноп
К портищам он Баркова,
«Восстань, любезный Ебаков,
Восстань! Повелеваю!
Всю ярость праведных хуев
Тебе я возвращаю.
Поди, е^{*} и Малашку вновь!»
О чудо! Х^{*}й ядрёный
Встаёт, Кипит в мудищах кровь
И кол торчит взъярённый.

VIII

«Ты видишь, — продолжил Барков, —
Я вмиг тебя избавил.
Но слушай: изо всех певцов
Никто меня не славил.
Никто! Так мать же их в п^{*}зду!
Хвалы мне их не нужны!
Лишь от тебя услуги жду:
Пиши в часы досужны!
Возьми задорный мой гудок,
Играй во что попало;
Вот звонки струны, вот смычок,

Ума в тебе немало.

IX

Не пой лишь так, как пел Бобров,
Ни Шаликова тоном,
Шихматов, Палицын, Хвостов
Прокляты Аполлоном.
И что за нужда подражать
Бессмысленным поэтам?
Последуй ты, еб* на мать
Моим благим советам.
И будешь из певцов певец,
Клянусь моей елдою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.